

«Попасть в северокорейский ГУЛАГ легко, выйти — невозможно».
— The Washington Post

Б Л Е Й Н Х А Р Д Е Н

ПОБЕГ

ИЗ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

Он родился в заключении, где чужие били, а свои — предавали.
Он сбежал из лагеря на другой континент, но остался узником
в своем сознании. Спустя годы жизни на свободе он все еще
не умеет смеяться.

Шин жил в Лагере 14 — «образцовой деревне», расположенной рядом с садом и прямо напротив того поля, где позднее повесят его мать...

В каждом из 40 одноэтажных зданий деревни размещалось по четыре семьи. У Шина с матерью была отдельная комната. Спать они ложились рядом на бетонном полу. На каждые четыре семьи имелась общая кухня, освещенная одинокой голой лампочкой. Электричество давали на два часа в день: с 4 до 5 утра и с 10 до 11 вечера. В окна вместо стекол вставлялись мутные листы виниловой пленки, через которую ничего не было видно. Топили по традиционной для Кореи схеме: на кухне зажигали угольный очаг, и тепло поступало в комнаты через расположенные под полом каналы. В лагере работала своя шахта, и в угле для отопления жилищ недостатка не было.

В домах не было ни мебели, ни водопровода, ни ванн, ни душевых комнат. В летнее время желающие помыться за-

ключенные тайком спускались на берег реки. Приблизительно на каждые 30 семей приходился один колодец с питьевой водой и одна общая уборная, разделенная на женское и мужское отделение. Все обязаны были ходить только в такие уборные, так как потом человеческие испражнения использовались в качестве удобрений на лагерной ферме.

Когда мать Шина выполняла дневную норму, она могла принести домой еды на этот вечер и следующий день. В четыре утра она готовила завтрак и обед для себя и сына: кукурузную кашу, квашеную капусту и капустный же суп. 23 года (за исключением тех дней, когда его за что-нибудь наказывали голодом) Шин каждый день питался только этими продуктами.

Пока он не подрос, мать оставляла его одного и только в середине дня приходила с полевых работ пообедать. Шин был вечно

голоден и съедал свой обед утром, сразу же после ухода матери.

Кроме того, он часто съедал и порцию матери.

Приходя днем на обед и обнаруживая, что в доме нечего есть, мать впадала в бешенство и избивала сына мотыгой, лопатой или любыми другими попавшимися под руку предметами. Иногда она была его не менее жестоко, чем впоследствии лагерные охранники.

Тем не менее Шин при любой возможности старался стащить у нее побольше еды. Ему даже не приходило в голову, что, лишая ее обеда, он обрекает ее на голодный день. Через много лет после ее смерти, уже живя в США, он скажет мне, что любил свою мать. Но это было, так сказать, задним числом. Он начал так говорить уже после того, как узнал, что в цивилизованном обществе дети относятся к своим матерям

с любовью. Но в лагере, воруя у нее пищу и становясь жертвой ее насилия, он видел в ней всего лишь соперника в битве за выживание.

Ее звали Чан Хе Гён. Это была невысокая коренастая женщина с очень сильными руками. Короткие, как и у всех остальных женщин в лагере, волосы она прикрывала «форменным» белым платком. Для этого платок складывался по диагонали в треугольник и завязывался сзади на шее. Во время одного из допросов в подземной тюрьме лагеря Шину удалось подсмотреть в документах дату ее рождения — 1 октября 1950 года.

Она никогда не заговаривала о своем прошлом, не вспоминала родных, не рассказывала, почему оказалась в лагере, а он обо всем этом не спрашивал. Матерью Шина она стала по решению надзирателей. Они выбрали ее и мужчину, ставшего впо-

следствии отцом Шина, и вознаградили их друг другом, позволив вступить в «поощрительный» брак.

Холостые мужчины и незамужние женщины в лагере спали в отдельных мужских и женских общежитиях. Восьмое правило Лагеря 14, которое Шин должен был заучить со всеми прочими, гласило:

«Вступившие в физическую сексуальную связь без предварительного на то разрешения расстреливаются немедленно».

Во всех трудовых лагерях действуют одни и те же правила. По словам бывшего охранника лагеря и нескольких бывших заключенных, у которых я брал интервью, в тех случаях, когда самовольные сексуальные связи приводили к беременности и рождению ребенка, мать убивали вместе с младенцем. Женщины, спавшие с охранника-

ми в надежде получить дополнительную пайку еды или добиться перевода на более легкую работу, знали, что сильно рискуют. Забеременев, они просто исчезали.

Поощрительный брак был единственным способом обойти полный запрет на сексуальные связи. Разрешение на брак обещали заключенным в качестве высшей награды за неустанный труд и постоянное стукачество. Мужчины получали право на это вознаграждение с 25 лет, женщины — с 23. Надзиратели провозглашали такие браки 3–4 раза в год, как правило, по большим праздниками и в особо торжественные даты, например, под Новый год или в день рождения Ким Чен Ира. Выбрать себе пару по сердцу ни невеста ни жених права не имели. Если один из партнеров находил назначенную ему «половину» старой, грубой или непривлекательной, охранники могли отменить свадьбу. В этом

случае и мужчина, и женщина навсегда лишались права на повторный брак.

Отец Шина, Шин Гён Соп, сказал сыну, что надзиратели подарили ему Чан в качестве награды за ударный труд на токарном станке в лагерной мастерской. Мать Шина так и не сказала, за что она удостоилась этого поощрения.

Но для нее, как и для многих других живущих в лагере девушек, брак был своеобразным повышением в статусе. Поощрительному браку сопутствовало некоторое улучшение условий труда и жизни, в частности перемещение в образцовую деревню, где работала школа и поликлиника. Вскоре после «свадьбы» ее переселили туда из перенаселенного женского общежития при лагерной швейной фабрике. Еще Чан получила возделенную работу на ферме, откуда можно было приворовывать кукурузу, рис и свежие овощи.

Сразу после свадьбы молодоженам разрешили целых пять ночей подряд спать вместе. После этого отцу Шина, который продолжал жить в своем заводском общежитии, позволяли приходить к Чан всего несколько раз в год. Плодом этого союза стали два сына. Старший, Хе Гын, родился в 1974. Через восемь лет после него родился Шин.

Братья почти не знали друг друга. Когда родился Шин, его старший брат по 10 часов в сутки проводил в начальной школе. Когда Шину исполнилось 4 года, брата переселили из их дома в общежитие (так происходило со всеми по достижении 12 лет).

Что же до отца, то Шин помнит, что он иногда появлялся у них дома поздно вечером и уходил ранним утром. Отец относился к мальчику почти с полным безразличием, да и сам Шин привык не обращать особого внимания на отцовские визиты.

За годы, прожитые после побега, Шин узнал, что слова «мать», «отец» и «брат» у великого множества людей ассоциируются с понятиями тепла, спокойствия и любви. Но у него в жизни ничего этого не было. Охранники говорили малолетним узникам, что они находятся в лагере за «грехи» своих родителей. Детей учили, что они должны до конца жизни стыдиться того, что в их жилах течет кровь предателей Родины, но тем не менее обязаны изо всех сил стараться «смыть» с себя это врожденное позорное пятно ударным трудом, беспрекословным выполнением всех требований надзирателей и доносами на своих родителей. Десятое правило Лагеря 14 гласило, что заключенный должен «искренне» считать каждого надзирателя своим учителем и наставником. И для Шина в этом не было ничего удивительного, ведь измотанные непосильным трудом родители все его детство и отрочество практически не обща-

лись с ним и не уделяли ему почти никакого внимания.

У вечно недоедающего, тощего Шина не было ни интересов, ни друзей. Единственным источником уверенности в завтрашнем дне были для него лекции надзирателей об искуплении путем стукачества. Тем не менее ему несколько раз пришлось наблюдать сцены с участием матери и охранников, которые ставили под сомнение правильность его представлений о добре и зле.

Однажды вечером 10-летний Шин отправился на поиски матери. Он был очень голоден, а матери давно пора было быть дома и готовить ужин. Шин подошел к ближайшему рисовому полю, где она работала, и спросил одну из женщин, не видела ли она его мать.

— Она убирает комнату *повичидовона*, — ответила ему женщина, имея в виду кабинет начальника охраны этого поля.

Шин подошел к дежурке и, обнаружив, что дверь заперта, заглянул в окошко. Мать стояла на коленях и мыла пол. Как раз в этот момент в комнате появился и сам повичидовон. Он подошел к женщине сзади и принялся ее лапать, не встречая сопротивления. Потом они оба сняли с себя одежду и занялись сексом.

Шин никогда не спрашивал мать о случившемся и не рассказал об увиденном отцу.

В том же году Шина и его одноклассников отправили помогать родителям. Както утром он пошел с матерью высаживать рис. Она, казалось, была не очень здорова и сильно отставала от других. Незадолго до обеда ее медлительность привлекла внимание надзирателя.

— Эй ты, сука! — крикнул он ей.

Суками охранники называли всех женщин. Шина и других мужчин, как правило, звали сукиными детьми.

— За что тебя кормят, если ты даже не умеешь сажать рис? — спросил охранник.

Она извинилась перед ним, но надзиратель разозлился еще больше.

— Так дело не пойдет, сука! — крикнул он.

Шин стоял рядом с матерью, пока охранник придумывал ей подходящее наказание.

— Иди встань на меже на колени и подними вверх руки. Стой так, пока я не вернусь с обеда.

Мать полтора часа простояла на коленях с вытянутыми к небу руками. Шин стоял неподалеку от нее. Он не знал, что ей сказать, и просто промолчал.

Вернувшись, надзиратель приказал матери Шина вернуться к работе. В середине дня она потеряла сознание. Шин побежал к охраннику и начал упрашивать его помочь. Другие работницы оттащили его мать в тень, где она постепенно пришла в себя.

Вечером того же дня Шин с матерью явились на «идеологическую проработку», обязательное собрание, посвященное критике и самокритике. Мать Шина снова упала на колени, а четыре десятка других работников фермы принялись поносить ее за невыполнение дневной нормы.

Летними ночами Шин с другими мальчишками пробирался в сады, на южной границе которых стояли железобетонные строения, составлявшие «образцовую деревню» и служившие им всем домами. Они собирали еще незрелые груши и огурцы и старались как можно скорее съесть их на месте. Если мальчишки попадались охранникам, те избивали их своими дубинками, а потом на несколько дней лишали обеда в школе.

Тем не менее надзиратели не возражали, когда видели, что дети едят крыс, лягушек,

змей и насекомых. Этой живности в гигантском лагере, где практически не применялись пестициды, где поля удобряли фекалиями и люди не имели возможности регулярно принимать ванны и мыть туалеты в силу отсутствия водопровода, было предостаточно.

Поедая крыс, дети не только набивали пустые животы, но и повышали свои шансы на выживание. В крысином мясе содержатся вещества, способные предотвратить пеллагру, широко распространенное в лагерях (особенно в зимний период) заболевание, нередко приводящее к смертельному исходу. Болезнь поражала заключенных в результате нехватки белков и никотиновой кислоты. Человек чувствует огромную слабость, на коже появляются язвы, начинается понос. В конечном итоге болезнь часто приводит к потере рассудка или к смерти.

Охота на крыс превратилась в главное увлечение Шина, а сами крысы стали его любимым блюдом.

Он ловил их дома, в полях и в уборной. Вечером они с одноклассниками жарили крыс на огне во дворе школы. Шин обдирал с крыс шкуру, вынимал потроха, а затем солил и съедал все остальное — мясо, кости и крошечные лапки.

Кроме того, он научился делать из стеблей лугового лисохвоста гарпунчики для охоты на кузнечиков, цикад и стрекоз. Ими он лакомился, поджаривая на огне, в конце лета и осенью. В горных лесах, куда учеников нередко отправляли по дрова, Шин собирал и горстями пожирал дикий виноград, крыжовник и корейскую малину.

Зимой, весной и в начале лета еды было гораздо меньше. Голод вынуждал Шина и его приятелей пробовать хитро-

сти, которые, по словам лагерных старожилов, должны были помочь утолить голод. Услышав, что жидкости ускоряют процессы пищеварения, дети во время еды стали отказываться от воды и супа в надежде оттянуть новые приступы голода. Они старались как можно реже ходить в туалет, чтобы не чувствовать пустоты в животе и меньше думать о еде. Альтернативной технологией борьбы с голодом были попытки подражать коровам, т. е. отрывивать только что принятую пищу и съедать ее снова. Шин несколько раз попробовал этот способ, но понял, что это не помогает...

Летом, когда детей отправляли на прополку, шла охота на крыс и полевых мышей. Шин помнит, что целыми днями питался только ими. Самыми счастливыми и радостными мгновениями детства были у него те, когда ему удавалось набить живот.